

**ПОЛЬША И ПОЛЯКИ ГЛАЗАМИ ДОНСКОГО КАЗАКА:
МЕМУАРНОЕ, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ И.С. УЛЬЯНОВА, ОФИЦЕРА ШТАБА ВЕЛИКОГО
КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА***

Артём Юрьевич Перетяtko –

кандидат исторических наук, преподаватель,
Южный федеральный университет
Почтовый адрес: Большая Садовая, 105/42,
Ростов-на-Дону, 344006, Россия
Электронный адрес: ArtPeretatko@yandex.ru

Аннотация

Один из известнейших общественных деятелей Дона середины XIX в., генерал-майор И.С. Ульянов, больше 10 лет прослужил в Польше, был офицером штаба великого князя Константина Павловича и попал в плен к полякам в ходе восстания 1830–1831 гг. Он подготовил целый ряд рукописей о Польше и переводах с польского, большая часть которых не публиковалась при его жизни. Наиболее интересные материалы, в частности, «Записки» о пребывании в польском плену, были изданы в начале XX в. в региональных краеведческих сборниках известным донским историком Х.И. Поповым, однако в дальнейшем оказались забыты. В статье впервые в историографии предпринимается попытка систематизировать материалы И.С. Ульянова, связанные с Польшей, как опубликованные, так и хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) и не вовлекшиеся в научный оборот. Автор анализирует обстоятельства появления этих материалов, их связь с биографией и взглядами И.С. Ульянова. Автор приходит к выводу, что работы И.С. Ульянова интересны и как свидетельства современника, содержащие интересный фактографический материал о Польше 1830–1831 гг., и как культурный феномен, поскольку в их числе есть первые переводы с польского, выполненные донским автором, и как выражение определенной концепции русско-польских отношений, сформировавшейся под влиянием великого князя Константина Павловича, концепции, предполагавшей дружбу и сотрудничество двух народов, но при условии доминирования русских над поляками.

Ключевые слова

И.С. Ульянов, Царство Польское 1820–1830 гг., Польское восстание 1830–1831 гг., любительские переводы с польского, польско-донские связи.

Статья поступила в редакцию 9 апреля 2019 г.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-39-00009 «Казачество 1860–1890 гг. как экономический институт».

**POLAND AND THE POLES THROUGH THE EYES
OF A DON COSSACK: MEMOIR, JOURNALISTIC AND LITERARY
HERITAGE OF IVAN S. ULYANOV, STAFF OFFICER OF GRAND
DUKE KONSTANTIN PAVLOVICH**

Artyom Yu. Peretyatko

Ph.D, Lecturer,
Southern Federal University
Postal address: Bol'shaia Sadovaia 105/42,
Rostov-on-Don, 344006, Russia
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Abstract

Major General Ivan S. Ulyanov served more than ten years in Poland. He was one of the most famous public figures of the Don Region in the mid-nineteenth century. Ulyanov was an officer of the headquarters of Grand Duke Konstantin Pavlovich and was captured by the Poles during the November Uprising, 1830–1831. He wrote a number of manuscripts about Poland and made translations from Polish into Russian, most of them remained unpublished during his life. Among the most interesting materials, there are, in particular, his “Notes” about the Polish captivity, which were published by the famous Don Region historian Khariton I. Popov in the early twentieth century, in regional editions. Later they were forgotten. In the article, for the first time in historiography, an attempt was made to systematise Ivanov’s materials related to Poland. Both published and unpublished documents from the State Archive of the Rostov Region (GARO) have not yet been put into scholarly circulation. The author analyses the circumstances of appearance of these materials, Ulyanov’s biography and his thoughts. The author concludes that Ulyanov’s work is interesting both as evidence of contemporaries, containing factual material about Poland in the years of 1830–1831, and as a cultural phenomenon as such. It is considered to be unique, because it is the first Polish-Russian translation made by a Don Region author. Also, it was an expression of a certain concept of Russian-Polish relations, formed under the influence of Grand Duke Konstantin Pavlovich. This concept assumed friendship and cooperation between the two nations, but under the condition of the Russian domination over the Poles.

Keywords

Ivan S. Ulyanov, Kingdom of Poland 1820–1830, November Uprising 1830–1831, amateur translations, Russian-Polish cultural communications.

Received 9 April 2019.

История взаимоотношений донского казачества и Польши включает в себя любопытнейший эпизод, до настоящего времени не привлекавший к себе внимания ни казачьей историографии, ни полонистики. Речь идет о польской службе и текстах о Польше Ивана Самойловича Ульянова (1803–1874), одного из самых значимых общественных деятелей Дона середины XIX в. Современным донским историкам И.С. Ульянов известен главным образом как лидер донских «казакоманов» — консервативной местной оппозиции либеральным реформам 1860-х годов. Специально исследовавший этот сюжет А.А. Волвенко, в частности, пишет о том, что по-

литические противники обвиняли И.С. Ульянова в сепаратизме, попытках отделить Дон от остальной России¹. Понятно, что подобная активность несколько заслонила в глазах историков ранние годы донского общественного деятеля. С другой стороны, сохранившийся до наших дней значительный по объему архив семьи Ульяновых (единственный подобный архив, охватывающий первую половину и середину XIX в. в Государственном архиве Ростовской области) делает И.С. Ульянова важной фигурой для изучения быта и повседневности донского дворянства. Ряд работ на эту тему, включая раздел в монографии, опубликовала О.М. Морозова².

Однако для младших современников И.С. Ульянов был еще и ключевым звеном в польско-донских связях, первым донским казаком, начавшим освещать тему Польши в своем творчестве. Например, А.А. Карасев, известнейший донской краевед конца XIX в., характеризуя жизненный путь И.С. Ульянова, особенно выделял «оставленные им записки» о восстании 1830–1831 гг., точнее, о пребывании их автора во время этого восстания в польском плену³. Эти записки, вероятно, действительно казались донским историкам начала XX в. своеобразным *magnum opus* И.С. Ульянова, поскольку только они одни, из всего обширного рукописного наследия умершего автора, были опубликованы в местном научном издании, — «Сборнике Областного войска Донского статистического комитета»⁴. Публикатором и автором предисловия выступил самый авторитетный донской ученый того времени Х.И. Попов, следующим образом характеризовавший предложенную им вниманию читателя работу: «Наблюдательный, с наклонностями к размышлениям, г. Ульянов заносил в свои записки всё, что ему было известно о восстании, о действии русских войск и службе казаков в частности, всё, что приходилось переносить пленникам, о замыслах поляков и отношении их к русским и последних к полякам»⁵.

В личном архиве И.С. Ульянова сохранились и другие рукописи, связанные с польскими историей и культурой. При оценке их значения необходимо учитывать тот факт, что на Дону в первой половине XIX в. фактически отсутствовала художественная и научная печать, единственная местная газета,

¹ *Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // Russkaya Starina. Братислава, 2015. Vol. 14. Is. 2. P. 101.*

² *Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов-на-Дону: издательство ЮНЦ РАН, 2010. С. 4–65; Она же. Ульяновы. Семья донских казаков за сто лет // Диалог со временем. Москва. 2008. № 23. С. 298–318.*

³ *Донцы XIX века. Ростов-на-Дону: NB, 2003. С. 480–481.*

⁴ *Ульянов И.С. Записки И.С. Ульянова <Часть I> // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. II. Новочеркасск, 1901. С. 60–95; Он же. Записки И.С. Ульянова <Часть II> // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. III. Новочеркасск, 1902. С. 53–82.*

⁵ *Он же. Записки И.С. Ульянова <Часть I> // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. II. С. 60.*

«Донские войсковые ведомости», до 1852 г. содержала только официальный раздел, и произведения донских авторов обычно распространялись в списках⁶. Поэтому то, что многие тексты И.С. Ульянова дошли до нас только в рукописях, не означает, что они не были в свое время известны местной читающей публике: так, в 1830-х годах друг И.С. Ульянова И.И. Краснов считался, по свидетельствам современников, популярным в образованной казачьей среде поэтом, однако его стихи распространялись только в списках, и до наших дней дошел только один отрывок из них, опубликованный в некрологе⁷. С другой стороны, в условиях, когда от художественной и научной донской литературы первой половины XIX в. сохранились только отдельные рукописи, публикации и отрывки из переписки, уже невозможно определить, какие тексты И.С. Ульянова копировались и становились фактом местной литературной, общественной и научной жизни.

Кроме того, дошедший до нас архив И.С. Ульянова очевидно не полон, в частности, мы не обнаружили в нем большей части текста его «Записок» о польском восстании. Рукописи носят черновой характер, переводы никак не отмечены, в них не указан первоисточник. Наконец, нередко представлена только часть рукописи, иногда вырванная из середины. Соответственно, число оригинальных статей и переводов И.С. Ульянова о Польше, вероятно, было больше, однако до наших дней дошла только часть текстов.

Учитывая объем и оригинальность «польских» материалов И.С. Ульянова, нам бы хотелось привлечь к ним внимание российских полонистов. Поскольку наши собственные научные интересы относятся в основном к истории казачества, мы не пытались детально проанализировать рукописи И.С. Ульянова с учетом ситуации в Польше в 1820–1830 гг. и общего контекста русско-польских связей. Вместо этого мы решили сконцентрироваться на близких нам проблемах и представить обзор художественных и публицистических работ И.С. Ульянова о Польше, связать эти работы с биографией донского генерала, а также в общих чертах понять его отношение к Польше и полякам.

И.С. Ульянов прибыл на службу в Варшаву в 1820 г. 17-летним рядовым казаком, не получившим систематического образования⁸. Покинул же польские земли он только в 1832 г., 12 лет отлучаясь из Польши только на время отпусков. За эти годы И.С. Ульянов стал офицером, за отличие по службе был переведен в лейб-гвардии казачий полк⁹ и приобрел серьезные литературные амбиции. Так, в начале 1832 г., еще из Варшавы, он отправил

⁶ *Peretyatko A.Y.* “Look, the British and the French”: a Little about the Don Literary Propaganda during the Crimean War // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. Bratislava, 2018. 5(2). Pp. 40–43.

⁷ *Королев В.Н.* Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1991. С. 222–223.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

письмо некоему Григорию Александровичу, посылая тому «плоды мозольных трудов своих» и интересуясь, «может ли сие мое творение, с такой искренней физиономией и в таком наряде удостоиться права на гражданство в “Северной Пчеле”»¹⁰. Однако, к сожалению, как раз польский период биографии И.С. Ульянова, важнейший для становления его личности, остается сравнительно малоизученным.

В любом случае, никаких свидетельств о близости донского офицера к польским научным или литературным кругам не сохранилось. Вероятно, их и не было: собственное творчество И.С. Ульянова в этом отношении рисует поляков достаточно критично. В частности, в своих «Записках» он жаловался, что уже в плену к нему приходило «несколько академиков», утверждавших, что «все западные российские губернии, причисляя к тому и Украину, принадлежали Польше от рода родов» (академиками назывались по-польски студенты университета, многие из которых были в числе зачинщиков восстания)¹¹. Это описание И.С. Ульянов сопровождает следующей иронической сентенцией: «Невежество поляков в русской истории, в успехах просвещения и в тех средствах и силе нравственных и вещественных, которые поставили ее на первую степень могущества и славы в мире, превосходят всякое вероятие»¹². Не вызывал симпатии у него и неназванный профессор русского языка в Варшавском университете, якобы не способный «сказать двух слов правильно» на нем, но уверяющий русских, что он «по-росинску знает хорошенько»¹³.

Тем не менее, молодой казак контактировал с польской средой, о чем свидетельствует небольшой польско-русский словарь собственного составления, обнаруженный нами в его архиве¹⁴. Вероятно, эти контакты носили бытовой и служебный характер. Во всяком случае, в «Записках» с наибольшей симпатией рисуется круг польского офицерства. Так, крайне нелюбезно охарактеризовав поляков в целом (по мнению русского офицера, поляки были «непостоянны, ветрены, легковерны, буйны, горды в счастье и низки в несчастье»), И.С. Ульянов спешил оговориться, что «есть частные исключения, к которым справедливость требует причислить многих старых офицеров»¹⁵. Кроме того, он сам жил на квартире у поляка, с которым его связывали теплые отношения: И.С. Ульянов описывал, как хозяин квартиры, после того, как в нее пытались ворваться соседи, чтобы побить «москалей», привел из ратуши народных гвардейцев для защиты русских¹⁶.

¹⁰ Переписка И.С. Ульянова с издателями // Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. 243. Ульяновы. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

¹¹ Ульянов И.С. Записки И.С. Ульянова <Часть I>. С. 70.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Литературный материал // ГАРО. Ф. 243. Ульяновы. Оп. 1. Д. 29. Л. 76–109.

¹⁵ Ульянов И.С. Записки И.С. Ульянова <Часть I>. С. 70.

¹⁶ Там же. С. 66.

Большая часть «польских» рукописей И.С. Ульянова относится именно к варшавскому периоду¹⁷. Это переводы с польского, с не подписанными источниками, и «Записки», в которых рассказывается про польский плен. Если причины возникновения «Записок» достаточно очевидны (помимо прочего, И.С. Ульянов, по собственному признанию, писал их «на память своему сыну», вероятно, считая возможной гибель в польском плену¹⁸), то с переводами дело обстоит сложнее. Как мы убедились выше, культурные связи с польской интеллигенцией у И.С. Ульянова если и были, то крайне эпизодически, а отношение донского казака к польскому народу можно охарактеризовать как неоднозначное, если не высокомерное. Тем не менее, польская культурная жизнь его явно интересовала, и в его архиве мы нашли даже перевод начала статьи из польского журнала (к сожалению, название журнала не проставлено, но указан номер и том)¹⁹. Возможно, дело было в его собственных литературных амбициях, сформировавшихся, как мы показали выше, к концу польского этапа жизни: донской казак, вращающийся в польскоязычной среде, мог надеяться войти в русскую литературу как переводчик с польского, и любопытно, что упомянутое начало статьи из польского журнала было посвящено именно проблемам перевода²⁰. На наш взгляд, важно не то, почему И.С. Ульянов взялся за переводы с польского, а сам факт существования этих переводов, первых подобных переводов, выполненных донским автором.

После 1832 г. И.С. Ульянова с Польшей напрямую ничего не связывало. Он вернулся на Дон, и о его переписке с поляками неизвестно. Период с 1835 г. по середину 1860-х годов можно назвать временем расцвета государственной, военной и политической деятельности И.С. Ульянова: он занимает различные должности в донском войсковом правлении, командует полком, становится одним из лидеров донских консерваторов²¹. За всё это время в его архиве появился только один новый текст, посвященный польским проблемам: он не подписан, и на месте заглавия стоит дата и место: «Санкт-Петербург, 20 ноября 1835 года»²². Это очередной перевод, на сей раз с французского. В 1835 г. петербургская официозная газета “*Journal de S.-Petersbourg*”

¹⁷ Оговоримся, что личный фонд И.С. Ульянова в ГАРО, в котором хранятся его неопубликованные работы, очень велик по объему и при этом своеобразно систематизирован, о чем мы подробнее будем писать ниже. Отдельные рукописи не выделены в отдельные дела, часто не подписаны, не датированы и часто неразборчивы. Поэтому в нем могут храниться и другие тексты о Польше или содержащие отсылки к Польше, не замеченные нами (в особенности это относится к черновикам, среди которых встречаются даже отдельные вырванные листы, содержащие отрывки из погибших статей и рассказов).

¹⁸ *Ульянов И.С. Записки И.С. Ульянова <Часть I>*. С. 61.

¹⁹ ГАРО. Ф. 243. Ульяновы. Оп. 1. Д. 29. Л. 23-23 об.

²⁰ Там же.

²¹ *Донцы XIX века*. С. 481.

²² Литературный материал // ГАРО. Ф. 243. Ульяновы. Оп. 1. Д. 28. Л. 43.

перепечатала октябрьское выступление парижского “Journal des Debats”, направленное против Николая I и его речи перед варшавскими депутатами, присовокупив к этому собственные комментарии²³. В архиве И.С. Ульянова содержится русская версия этого текста. В данном случае мы, на наш взгляд, имеем дело с ярким примером «донского самиздата», переводом статьи, выполненным человеком, интересующимся ситуацией в Польше, для знакомства с ней новочеркасского общества. В пользу этой версии свидетельствует сам выбор текста для перевода: для публикации в русскоязычной прессе больше подошел бы прямой перевод из “Journal des Debats”, без добавлений и комментариев, внесенных авторами “Journal de S.-Petersbourg”.

Мы не обнаружили в архиве И.С. Ульянова ни одной рукописи, связанной с Польшей и написанной после 1830-х годов. Однако на более старых рукописях содержатся позднейшие пометки, которые по карандашу и по черку следует датировать 1840-ми годами. Таким образом, И.С. Ульянов возвращался к своим «польским» рукописям и в это время, улучшая их для публикации или создания новых списков. О том, что польские события оставались актуальны для него до самой смерти, свидетельствуют его публикации в «Русском архиве» конца 1860-х годов. К этому времени оппозиционная деятельность И.С. Ульянова сделала его персоной non grata в глазах военного министерства, а донские «казакоманы» были разгромлены сверху, в том числе и потеряв возможность публиковать статьи на актуальные темы²⁴. В последние годы своей жизни, с середины 1860-х годов, И.С. Ульянов играл меньшую роль в жизни Донского края и использовал появившееся свободное время, в частности, для того, чтобы подготовить и опубликовать два небольших материала о Польском восстании 1830–1831 гг.

Данные материалы отличались от его капитальных «Записок» тем, что являлись, по сути, критическими откликами на другие работы. В первом из этих откликов, «Заметках о польском восстании 1830 г.», И.С. Ульянов рассмотрел книгу Ф. Смита «История польского восстания и войны 1830 и 1831 г.», отмечая отдельные неточности и критикуя предположение ее автора, согласно которому Польское восстание могло бы быть подавлено в самом начале, при более решительных действиях русских властей²⁵. Во втором отклике, на «статейку» в «Санкт-Петербургских ведомостях», не имеющем даже собственного названия, И.С. Ульянов снова доказывал, что более решительно действовать в начале Польского восстания русские войска не могли, и оправдывал теплое отношение великого князя Константина Павловича к декабристу М.С. Лунину²⁶. Этими двумя небольшими текстами при-

²³ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Т. I. Л.: Наука, 1979. С. 360–361.

²⁴ Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // Russkaya Starina. Братислава. 2015. Vol. 15. Is. 3. P. 200.

²⁵ Ульянов И.С. Заметки о польском восстании 1830 г. // Русский архив. Москва. 1867. Вып. 1–6. С. 695–712.

²⁶ Он же. Заметка I // Русский архив. 1868. Вып. 1–6. С. 1031–1038.

жизненные публикации И.С. Ульянова на польскую тему и ограничиваются. По свидетельству А.А. Карасева, в конце жизни у его старшего современника сильно ухудшилось здоровье, и он впал в «тихое помешательство», продолжавшееся до самой смерти²⁷.

Таким образом, «польские» тексты И.С. Ульянова тесно связаны с его биографией и могут быть разделены на две основные части. В первую, наиболее оцененную современниками, но сейчас полузабытую, входят его воспоминания о Польском восстании 1830–1831 гг., как в форме личных записок, так и в форме критических возражений на чужие работы. Наиболее ценная часть этих текстов создавалась непосредственно во время описываемых событий, по горячим следам, в польский период жизни И.С. Ульянова. Х.И. Попов, объединивший их под названием «Записки И.С. Ульянова», допустил определенную неточность. Фактически речь идет о двух текстах: собственно «Записках», носящих чисто мемуарный характер и не сохранившихся в рукописи, и «Отрывке из памятных записок NN», который посвящен анализу военного использования донских полков, в том числе и на польском опыте, и в архиве И.С. Ульянова представляет собой совершенно самостоятельный текст²⁸. Поскольку в последней работе полякам и Польше уделено сравнительно мало внимания, в своей статье мы будем говорить только о основном тексте «Записок». Однако в данном случае есть смысл нарушить хронологию и обратиться сначала к критическим откликам И.С. Ульянова на чужие книги, опубликованным им в последний период жизни, после отхода от активной общественной деятельности. Дело в том, что в этих заметках предпринимается попытка анализа русской политики в Польше накануне восстания, и, хотя этот анализ крайне субъективен и призван оправдать великого князя Константина Павловича, но именно поэтому ранние, более непосредственные и эмоциональные тексты И.С. Ульянова есть смысл рассматривать через призму логики его позднейших работ.

Донской казак доказывал, что в своей польской политике великий князь руководствовался «высшей целью» вписать свое имя в историю как имя человека, навсегда «примирившего вековые раздоры между Русью и Польшей»²⁹. С точки зрения самого И.С. Ульянова, подобная цель, хотя и была труднодостижима и являлась мечтой, но «не представляла тогда ничего несбыточного», так как, якобы, под скипетром русской державы поляки процветали и «большая часть граждан <...> развила свое благосостояние в течение 15 лет в таких размерах, каких оно никогда не достигало»³⁰. Однако атмосфера в Польше оставалась нездоровой. И.С. Ульянов считал, что поляки слишком долго пребывали в состоянии анархии, слишком при-

²⁷ Донцы XIX века. С. 482.

²⁸ ГАРО. Ф. 243. Ульяновы. Оп. 1. Д. 28. Л. 25-41 об.

²⁹ Ульянов И.С. Заметки о польском восстании 1830 г. // Русский архив. 1867. Вып. 1-6. С. 706.

³⁰ Там же.

выкли «находиться в безначальном, или, что одно и то же, многоначальном состоянии», чтобы просто принять благодетельную власть русских³¹. И всё же никто не рисковал братья за оружие, и в деле примирения русских с поляками были достигнуты серьезные успехи, причем герой нашей статьи особенно подчеркивал, что часть польских частей достаточно долго хранила верность великому князю³². И тут несколько молодых офицеров, недовольных медленным продвижением по службе, подняли бунт, по легкомыслию уничтожив все успехи, достигнутые Константином Павловичем³³. Ссылаясь на разговоры знакомых офицеров, И.С. Ульянов пытался доказать, что этот заговор был личным делом нескольких горячих голов, легкомысленной авантюрой, и за ними не стояло никаких более серьезных политических сил³⁴. Нетрудно заметить, что мы имеем дело с настоящей концепцией польского восстания, пусть и несколько односторонней. Не являлась данная концепция и оригинальной: схожих взглядов на начало восстания придерживались и некоторые другие мемуаристы, в том числе и польского происхождения³⁵. В ее рамках есть русская администрация, желающая примириться с поляками, есть простые поляки, хотя и нелюбящие русских, но уже принявшие их, и есть группа политических авантюристов, поддерживаемых чернью самого низшего пошиба, которые и подняли восстание, увлекая за собой остальных поляков. Нетрудно заметить, что в эту концепцию хорошо вписывается то отношение И.С. Ульянова к полякам, которое было характерно для него в варшавский период: благожелательная позиция по отношению к аполитичным «старым офицерам» и квартирному хозяину при полном неприятии и грубой критике польских патриотически настроенных образованных кругов.

Если даже через три с половиной десятилетия И.С. Ульянов был далек от объективности, то в написанных им по горячим следам «Записках» явно говорит обида. В защиту донского казака следует напомнить, что он писал их для своего сына, а не для печати, не пытался опубликовать при жизни. Поэтому неудивительно, что в адрес издевавшихся над ним поляков И.С. Ульянов не жалел обвинений, укоряя их в самых страшных грехах (пример характеристики донским казаком польского народа мы приводили выше). Однако даже в это время он не мог полностью отказаться от своеобразных польских симпатий, очевидно, перенятых от столь дорогого ему Константина Павловича. В этой связи особенно показательно описание Варшавы после восстания. Донской казак с отвращением пишет о черни, которая пребывала «в таком упоении зверства, что нельзя представить ни-

³¹ Ульянов И.С. Заметки о польском восстании 1830 г. // Русский архив. 1867. Вып. 1–6. С. 705.

³² Там же. С. 708–712.

³³ Там же. С. 704.

³⁴ Там же. С. 704–705.

³⁵ Война женскими глазами. Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 гг. М.: НЛО, 2005. С. 25.

чего подобного в мире»; о «смешном и безобразном» зрелище «площадных ораторов»³⁶. Однако затем он куда более подробно останавливается на доброжелательных польских чиновниках, которым поручили русских пленных: на незнакомом ему человеке, который начал доказывать, что поляки не восстали против России, но борются с нарушением своей конституции, а затем, несмотря на ненависть черни к русским, пригласил И.С. Ульянова жить у себя дома, а также на высокопоставленном сановнике, «просившем не принимать в дурную сторону ареста» и объяснявшем, что он совершен для защиты русских от толпы³⁷.

С нашей точки зрения, «Записки» И.С. Ульянова интересны не только своим фактическим содержанием, но и подобным внутренним противоречием между откровенными оскорблениями в адрес поляков и детальным, комплиментарным описанием тех из них, которые были добры к русским. Любопытно, что подобным благожелательным образом описывается первоначальный диктатор восстания Й. Хлопицкий, который, в интерпретации И.С. Ульянова, проводил в своей политике «похвальную умеренность» и добивался «блага и существенной выгоды Польши», а свою должность вынужден был сложить не из-за нежелания русских идти на уступки, но «истощив все средства к обузданию исступления и к убеждению принять начала миролюбивые»³⁸. В итоге всю вину и за восстание, и за пролитую кровь И.С. Ульянов возлагал на поляков, но в то же время писал: «Кажется, что поляк делает зло не из злобы, сильно овладевшей сердцем, но из самохвальства, в доказательство, что в состоянии что-то да сделать»³⁹. Его негативные высказывания в адрес поляков, на наш взгляд, — скорее реакция эмоционального человека, чья попытка дружбы была отвергнута, чем настоящая ненависть, и даже освобождение русскими из польского плена вызвало у И.С. Ульянова смешанные чувства. Радуюсь этому и не скупясь на похвалы русскому оружию, он возмущался теми офицерами, которые пытались отомстить за перенесенные в плену неудобства и оскорбления, и требовал обращаться с поляками «как можно лучше, дабы показать им, что мелочные чувства мести чужды сердцу благородного человека»⁴⁰.

Остается констатировать, что «Записки» И.С. Ульянова о польском плену представляют собой уникальный источник, раскрывающий чувства офицера, надеявшегося вместе с великим князем Константином Павловичем добиться примирения русского и польского народов и обманутого в этих ожиданиях, проклинающего вероломных поляков и в то же время прощающего их, оправдывающего их поступки «самохвальством» национально-

³⁶ Ульянов И.С. Записки И.С. Ульянова <Часть I>. С. 67.

³⁷ Там же. С. 68.

³⁸ Там же. С. 71–72.

³⁹ Ульянов И.С. Записки И.С. Ульянова <Часть II>. С. 54.

⁴⁰ Там же. С. 59.

го характера. «Записки» еще ждут своего исследователя, и мы не будем останавливаться на деталях их содержания, подробных и многообразных. Кроме революционной Варшавы, И.С. Ульянов описывает и заключения в плену в польских городках, где он подвергался оскорблениям черни и получал помощь от польских женщин, и отношения с другими пленными, некоторые из которых казались ему не лучше самых жестоких и высокомерных из поляков, и ту же Польшу, но после восстания, с напуганными жителями и победоносными русскими войсками.

Вторую часть «польских» текстов И.С. Ульянова составляют его переводы, никогда не публиковавшиеся. В этом нет ничего удивительного: их литературный уровень достаточно низок, хотя от его детального анализа мы воздержимся, оставив его профессиональным филологам. Интерес к этим переводам у нас не столько литературный, сколько исторический: напомним, что И.С. Ульянов был одним из первых донских писателей и видным общественным деятелем, и сам факт его обращения, например, к творчеству А. Мицкевича можно считать первым случаем влияния польской литературы на донскую региональную. Очевидно, и сам автор относился к ним в позднем возрасте критически: литературные произведения в архиве И.С. Ульянова распределены по двум делам, причем в первом собраны в основном беловики, сохранившиеся полностью и расположенные в хронологическом порядке, а во втором — черновики, обычно обрывочные и бессистемные. Все художественные переводы с польского, сделанные еще в варшавский период, попали во второе дело, а в первом представлен только перевод французской статьи из “*Journal de S.-Petersbourg*” и «Отрывок из памятных записок NN».

Наиболее значимым нам представляется отмеченный выше перевод статьи А. Мицкевича. Едва ли перевод И.С. Ульянова был первым: «Московский телеграф» напечатал на своих страницах русскую версию «Критиков и рецензентов варшавских» в сентябре того же 1829 г., когда вышел польский оригинал⁴¹. Тем не менее, заслуживает сам факт обращения офицера из штаба великого князя Константина Павловича к творчеству весьма скептически настроенного по отношению к царской власти поэта. На первый взгляд, внимание донского казака к чисто польским делам, к полемике местных романтиков и классицистов может показаться странным. Однако критика А. Мицкевичем варшавских литераторов за малообразованность в чем-то близка с их критикой самим И.С. Ульяновым. Если российский офицер в своих «Записках» обличал «невежество поляков в русской истории», то А. Мицкевич писал о характерном для варшавских журналистов «всеобщем невежестве, происходящем не от введения чужеземных наук,

⁴¹ *Мицкевич А.* О критиках и рецензентах варшавских (Предисловие к полному собранию «Стихотворений» Мицкевича). (С польск.) // *Московский телеграф*. Москва. 1829. № 17. С. 3-36.

но от строгого охранения себя от них»⁴². Возможно, именно подобное «признание» поляком серьезных недостатков своего народа привлекло И.С. Ульянова к его тексту. Во всяком случае, другие переводы из творчества А. Мицкевича в архиве казачьего генерала нами обнаружены не были, зато в его переводах из других авторов также наблюдается сходство с мыслями, высказанными И.С. Ульяновым в оригинальных работах.

Так, молодым казаком был переведен ряд диалогов между различными историческими и легендарными фигурами на философские темы⁴³. В наиболее любопытном диалоге разговаривают польские короли Болеслав Храбрый и Казимир Великий, причем первый из них доказывает главенство в истории ратных подвигов, а второй, выступающий явным носителем авторской позиции, утверждает, что счастье и богатство народа важнее⁴⁴. И в данном случае русский офицер тоже выбрал для перевода текст, близкий его собственным идеям, а конкретно надеждам на мудрость польского народа, который, несмотря на сложную обстановку, должен был воздержаться от прямого восстания против русских, поскольку «кто в тишине занимается внутренним устройством, распространяет земледелие, возвышает торговлю, вводит науки, производит строения, тот может быть предпочтен тому, который с шумом разрушает и уничтожает»⁴⁵. Особого внимания заслуживают последние слова диалога, слова о том, что «народ польский заслуживает необыкновенную похвалу за то, что хотя из властителей своих имел мужественных витязей, между коими ты (это обращение к Болеславу. — *А. П.*) первенствуешь, одного наградил именем великого, того, который заслужил всеобщую любовь»⁴⁶. Трудно воздержаться от параллели между этим текстом, восхваляющим поляков литературных, и жалобами И.С. Ульянова на поляков реальных, которые пренебрегли процветанием, обретенным под русской властью, и восстали против собственных благодетелей.

Единственный «польский» перевод И.С. Ульянова, включенный им в число беловых, сильно отличается от упомянутых выше. Как мы писали выше, он сделан заметно позже, уже на Дону, в середине 1830-х годов, причем сделан не с польского, а с французского оригинала, и не с художественного текста или критической статьи, а со статьи политической. Однако за этим внешним различием скрывается глубокое внутреннее сходство: донской автор в очередной раз возвращался к центральной для него теме, — теме благородных русских и поляков, не понимающих их благо-

⁴² ГАРО. Ф. 243. Ульяновы. Оп. 1. Д. 29. Л. 124 об.

⁴³ Оригинал этих диалогов нам не удалось найти, но, судя по подбору персонажей, перевод и здесь осуществлялся с польского текста.

⁴⁴ ГАРО. Ф. 243. Ульяновы. Оп. 1. Д. 29. Л. 41–43 об.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 43 об.

родства. В нем описывается достаточно известный в историографии сюжет: в 1835 г. Николай I выступил перед депутацией варшавских горожан, причем, речь его содержала прямые угрозы. В обратном переводе И.С. Ульянова с французского перевода этой речи они звучат так: «Как только малейший шорох, я прикажу разбить вдребезги город, я уничтожу Варшаву, и уже, господа, воля ваша, я не буду возобновлять ее»⁴⁷. Многие поляки остались недовольны выступлением императора, согласно статье в «Journal des Debats», «наполняющим негодованием всякое благородное сердце»⁴⁸. Однако официальный российский «Journal de S.-Petersbourg» доказывал, что поляки и европейцы в целом допустили намеренную ошибку в трактовке этой речи, поскольку «постарались пропустить» заключительную фразу Николая I: «Давно уже простил я обиды, нанесенные мне и моей фамилии. Единственное мое желание — заплатить добром за зло и соделать счастье ваше вопреки вам самим. Я клялся в том пред Богом и не могу быть клятв-вопреступником»⁴⁹. Соответственно, все угрозы «Journal de S.-Petersbourg» предлагал трактовать как горькие предупреждения, а императорскую речь считать «словами прощения и мира», адресованными «возрождающемуся царству»⁵⁰. Статья из «Journal des Debats» была перепечатана в санкт-петербургском журнале именно как пример недобросовестного «искажения и утаения» слов императора, совершенных «врагами спокойствия»⁵¹. Понятно, что для И.С. Ульянова, требовавшего «как можно лучше» относиться к пленным полякам, была недопустима мысль о том, что его император оказался сторонником жестких мер по отношению к Польше. И он, уже проживая на Дону и не имея прямого отношения к польским делам, обратился к переводу текста из «Journal de S.-Petersbourg», текста, доказывающего, что поляки просто неверно поняли Николая I, желавшего не запугать польский народ жестокостью, но даровать ему свое прощение, оставляя за собой, впрочем, право на применение силы в случае нового восстания. Этим переводом логично замыкается круг польских переводов И.С. Ульянова, создававшихся с надеждой на прекращение вражды русского и польского народов.

Нам осталось подвести краткий итог всему вышеизложенному. Фигура И.С. Ульянова, стоящая у истоков отношений Дона и Польши, поражает своей парадоксальностью. «Казакоман», человек, обвинявшийся в донском сепаратизме, он живо интересовался польскими событиями, но при этом с имперских позиций, отказывая полякам в праве отстаивать свои интересы вооруженным путем. Героизируя русские войска, подавившие Польское

⁴⁷ ГАРО. Ф. 243. Ульяновы. Оп. 1. Д. 28. Л. 45.

⁴⁸ Там же. Л. 46.

⁴⁹ Там же. Л. 43 об.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Л. 43–43 об.

восстание 1830–1831 гг., он при этом хорошо относился к умеренной части восставших и рассматривал действия радикалов как «зло», но зло, совершенное не из «злости», а из «самохвальства», своеобразной детскости и легкомыслия целого народа. Первый донской переводчик А. Мицкевича, И.С. Ульянов резко и иронично отзывался о польских образованных кругах и выбрал для перевода статью великого польского поэта, посвященную их «невежеству».

И всё же, при более близком знакомстве с его литературным, публицистическим и мемуарным наследием, можно проследить мысль, объединяющую все «польские» тексты И.С. Ульянова. Это мысль, вероятно, возникшая в годы его службы в штабе великого князя Константина Павловича, о благодетельности русско-польского примирения, но примирения, заключенного на русских условиях, с признанием поляками роли младшего, «детского», «беспорядочного», «невежественного» народа. Соответственно, избранные им переводы раннего периода, сделанные, вероятно, до Польского восстания, либо доказывают недостатки поляков, либо, напротив, говорят о их мудрости, но мудрости особой, заключающейся в готовности признать великим не воинственного, а мирного правителя, с явной надеждой на подобное миролюбие и в будущем. Тексты, написанные во время самого восстания, пронизаны обидой и непониманием того, что характерная для И.С. Ульянова интерпретация внутренней сущности польского народа для самого этого народа глубоко оскорбительна. В дальнейшем деятельность на родном Дону отодвинула польские интересы И.С. Ульянова на второй план. И всё же он перевел статью 1835 г., доказывающую, что Николай I «простил» поляков, а в 1860-х годах дважды выступил в печати с защитой Константина Павловича, утверждая, что хотя великого князя и постигла неудача в попытке примирить польский и русский народы, но он был близок к своей цели, и лишь случайность помешала ему в ее достижении.

С современной точки зрения исторические и политические концепции И.С. Ульянова донельзя наивны, а переводы — корявы и непрофессиональны. Однако в этом и состоит их ценность: мы имеем дело с уникальной точкой зрения русского офицера, который одновременно был патриотом, крайне правым монархистом и в то же время симпатизировал полякам. Вероятно, именно эта уникальность привела к тому, что на Дону «польские интересы» героя нашей статьи так и остались своеобразным историческим казусом. И хотя младшие современники, в частности, авторитетнейшие Х.И. Попов и А.А. Карасев позиционировали его именно как автора ценных «Записок» о Польском восстании, дело так и не пошло дальше публикации нескольких его мемуарных рукописей с минимальным научным комментарием, а польская тема в позднейшей дореволюционной донской казачьей научной и околонучной литературе не получила развития.

Литература

1. *Королев В.Н.* Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1991.
2. *Морозова О.М.* Ульяновы. Семья донских казаков за сто лет // Диалог со временем. Москва. 2008. № 23. С. 298–318.
3. *Морозова О.М.* Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов-на-Дону: издательство ЮНЦ РАН, 2010.
4. *Peretyatko A.Y.* “Look, the British and the French”: a Little about the Don Literary Propaganda during the Crimean War // Propaganda in the World and Local Conflicts. Bratislava, 2018. 5(2). P. 40–43.
5. *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // Russkaya Starina. Братислава, 2015. Vol. 14. Is. 2. P. 94–107.
6. *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // Russkaya Starina. Братислава. 2015. Vol. 15. Is. 3. P. 194–207.

References

1. Korolev, V.N., 1991. *Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh* [Old Veshki. The story about the Cossacks]. Rostov-on-Don: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
2. Morozova, O.M., 2008. Ul'yanyovy. Sem'ya donsikh kazakov za sto let [Ulyanovs. Family of Don Cossacks for a hundred years]. *Dialogue with time*, N 23, pp. 298–318.
3. Morozova, O.M., 2010. *Tsari, kazaki, krasnye komandiry... Sem' ocherkov v zhanre istoriko-psikhologicheskogo portreta* [Tsars, Cossacks, Red Commanders ... Seven essays in the genre of historical and psychological portrait]. Rostov-on-Don: izdatel'stvo IUNTS RAN.
4. Peretyatko, A.Y., 2018. “Look, the British and the French”: a Little about the Don Literary Propaganda during the Crimean War. *Propaganda in the World and Local Conflicts*, Bratislava, 5(2), pp. 40–43.
5. Volvenko, A.A., 2015. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. *Russkaya Starina*, Bratislava, Vol. 14, Is. 2, pp. 94–107.
6. Volvenko, A.A., 2015. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III. *Russkaya Starina*, Bratislava, Vol. 15, Is. 3, pp. 194–207.